

Демченко Александр Иванович

доктор искусствоведения, профессор Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова, действительный член (академик) Российской академии естествознания, действительный член (академик) Европейской академии естествознания, заслуженный деятель искусств России, заслуженный деятель науки и образования

ГЕРМАНИЯ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА ГЛАЗАМИ Л. ФЕЙХТВАНГЕРА. ФОРМУЛА УСПЕХА ТОТАЛИТАРИЗМА

Оценивая художественное наследие Лиона Фейхтвангера (1884–1958), в первую очередь следует признать тот факт, что среди писателей своей страны и мира в целом он оказался самым выдающимся летописцем событий немецкой истории с конца 1910-х годов, самым последовательным противником нацистского режима, и сделанное им по достоинству занимает самое значительное место в антифашистской литературе.

Художественному осмыслению того, что происходило с немцами в эпоху становления Третьего рейха, посвящена большая серия романов Фейхтвангера центрального периода его творчества (конец 1920-х – середина 1940-х годов): «Успех» (1929), «Семья Опперман» (1933), «Изгнание» (1938), «Братья Лаутензак» (1943) — серия, к которой примыкают роман «Симона» (1944, о зарницах движения Сопротивления в странах, оккупированных гитлеровской Германией), исторический роман «Лже-Нерон» (1936) и в какой-то мере трилогия романов об Иосифе Флавии («Иудейская война» 1932, «Сыновья» 1935, «Настанет день» 1942), а также отдельные рассказы и публицистическая книга «Москва 1937» (1937).

Как видим, писатель создал настоящую эпопею. И самое непосредственное касательство к жизни Третьего рейха имеют первые из названных романов («Успех», «Семья Опперман», «Изгнание», «Братья Лаутензак»), составившие тетралогия, в своей художественной значимости вряд ли уступающую знаменитой вагнеровской тетралогии «Кольцо нибелунга».

В романе «Успех» сложилось ядро антинацистской концепции Фейхтвангера, был дан точный и дальновидный писательский прогноз движения страны к «новому порядку», но при всей глубине социального анализа здесь ещё чувствуется воздействие эстетических установок начала XX века. Отсюда осязаемая тенденциозность и гротесковая заострённость. Допустим, Фейхтвангер абсолютно точно указывает главный адресат политической интриги, затеянной «истинными германцами» (так в романе иронически именуется национал-социалисты) во главе с Рупертом Кутцнером, в фигуре и поступках которого без труда угадывается реальный прототип — Адольф Гитлер.

Мелкий буржуа всегда втайне жаждет сильной власти, вождя, которому он мог бы бездумно подчиняться. В своём нынешнем бедственном положении он хватается за Кутцнера, как за последний оплот, якорь спасения: Кутцнер — герой мелкого буржуа, фюрер в лучистом озарении славы, изрекающий благозвучные словеса, которым так отрадно повиноваться.

И тут же с нескрываемым сарказмом подаётся конкретика социальной подоплёки успеха «истинных германцев» и их лидера.

Все возмущались каждодневным падением марки, все возлагали ответственность за это на евреев и правительство, все надеялись, что Кутцнер принесёт им освобождение. Отставной государственный чиновник Эрзингер был страстным поборником гигиены. Он был человек миролюбивый, законопослушный, почитал власти, даже если их законность была сомнительна. Но когда жена повесила в уборной вместо привычной туалетной бумаги нарезанные листки газеты, он вышел из себя и стал сторонником Кутцнера. Надворной советнице Бёрайт проживавшие в её доме жильцы досаждали всевозможными способами — шумели, принимали весьма подозрительных знакомых, тайком готовили еду на электроприборах. Приходилось терпеть, а кто виноват? Правительство с его безбожным законом о правах квартирантов. Почтенная вдова надеялась, что и в этом деле фюрер наведёт порядок. Г-н Йозеф Фейхтингер, учитель гимназии, пересел с трамвая на трамвай так, что ехал не самым кратчайшим путём, как полагается при пересадочном билете, и за это его оштрафовали. Он сорок два года беспорочно прожил на свете, но при этом его штрафуют за какую-то мелочь. Он стал сторонником Кутцнера.

Не скупится на сатирические краски писатель и в обрисовке самого Кутцнера, поднимая завесу над пышной демагогией и балаганной бутафорией, что стало характерными атрибутами будущей диктатуры и её главного вдохновителя.

Люди были во власти живой мимики Руперта Кутцнера, его великолепно го голоса. Как умело облакал этот человек их мечты в слова! Каким широким жестом взлетали его руки, с какой силой ударяли по кафедре, как пародийно жестикулировали, когда фюрер изображал евреев. Собравшиеся самозабвенно следили за каждым его движением, их руки с бережной осторожностью опускали на столики глиняные кружки, дабы ни единым звуком не заглушить его бесценных слов. Порой фюрер возвышал голос — это означало, что пришло время аплодировать. А пока гремели аплодисменты, он вытирал взмокший лоб и, всё тем же широким жестом поднимая пивную кружку, осушал её до дна.

При всей тенденциозной окрашенности, в подобных описаниях нетрудно заметить и зерно объективной оценки, подтверждавшей незаурядное умение нуворишей от политики одурманивать желавшую того мелкобуржуазную массу. Более того, ощутим даже оттенок невольного внутреннего восхищения перед наработанным крепким артистическим профессионализмом Кутцнера и его виртуозным мастерством воздействия на людей.

После романа «Успех», в дальнейшем развороте рассматриваемой темы у Фейхтвангера наблюдается как бы парадоксальная закономерность: чем более суровой и тягостной становится описываемая реальность, чем более сгущаются зловещие тени, связанные с преобразованием буржуазно-демократической Германии в тоталитарное государство, тем более объективным и уравновешенным становится характер литературного изложения событий. Определялось это и адаптацией к происходившему, и утверждением в творчестве писателя реалистического метода, который требовал трезвого и взвешенного видения действительности.

Единственное отклонение от этой нормы он допускает в романе-памфлете «Лже-Нерон». В его конце оповещается об источниках, на которые опирался автор: *«Сведения о Лже-Нероне можно найти у Тацита, Светония, Диона Кассия, Зонары и Ксифилина, кроме того – в Апокалипсисе Иоанна и в четвёртой книге Сивиллы»*. Однако везде там можно обнаружить весьма глупые свидетельства, из которых он взрастил своё повествование силой вымысла, оплодотворяемого реальностью 1930-х годов. И действие романа, отнесённое к 80–81 годам н. э., оказывается невероятно прозрачной аллюзией к актуальной современности. Сутью основного персонажа С. Ошеров называет *«противоречие между его внутренней неполноценностью, духовным убожеством и маниакальной уверенностью в собственном величии, в своей мнимой “исторической миссии”»*.

Именно таков горшечник Теренций, возомнивший себя императором Нероном, с исторической параллелью в лице ефрейтора Гитлера, в котором находили жалкое подражание Наполеону, Вагнеру и Ницше, а в ближайших пособниках Теренция — Кнопсе и Требонии легко различимы приметы Геринга и Геббельса. Фейхтвангер не скрывает модернизации далёкого прошлого, широко вводя современный лексикон: допустим, в римской армии не могло быть лейтенантов, капитанов, полковников и люди того времени не могли изъясняться словами типа «пропаганда», «шантаж», «гуманизм», «милитаризация» и т.д.

Писатель мастерски разворачивает ход авантюры по «изготовлению» властителя, который до поры до времени является куклой стоящих за его спиной людей, располагающих влиянием и богатством. Раскрывая механизм захвата власти и установления режима, автор выводит к основной идее: чтобы упрочить свои интересы, сильные мира сего попытались сделать ставку на головорезов, однако на определённом этапе головорезы выходят из-под их подчинения, начинают вести игру по своим бандитским законам и тем самым в конце концов проваливают всю затею. Среди прямых сюжетных аналогий — провокация с затоплением священного храма (как «калька» поджога рейхстага и последовавшего затем процесса против Г. Димитрова) и зверская расправа, устроенная в «неделю ножа и кинжала» (напоминание о ликвидации недовольных штурмовиков, проведённой 30 июня 1934 года). После этой кровавой резни Лже-Нерон выступает перед сенатом, оправдывая содеянное преступление, и в этой речи самодовольного полубезумца, верящего в своё наитие, совершенно очевидно сходство с почерком фюрера.

– Какой внутренней борьбы — воскликнул он, — стоило мне убить столько людей, в том числе и таких, которые мне были друзьями и более чем друзьями! Но я думал о величии империи, я совладал со своим сердцем, принёс жертву, стёр с лица земли заговорщиков.

Он зажигался, опьянялся собственными словами, он верил в них, верил в свои страдания и в величие своей жертвы, с бешенством обрушивался на «преступников». Он говорил с пеной у рта, впадал в исступление, выворачивал себя наизнанку. Он метал громы и молнии, бесился, умолял, проливал слёзы, бил себя в грудь, заклинал богов.

Эту речь он закончил словами, столь же характерными для вождя нацистов: *«Я не несу ответственности ни перед кем — лишь перед небом и своим внутренним голосом»*. И здесь же раскрывается то, как это действует на массу, падкую на эффектные трюки.

Кровавая ночь возымела на сенат и на народ именно то действие, на которое заранее рассчитывали её устроители. Деяние Нерона, мгновенное и страшное, вызвало ужас, удивление и благоговение. Оправившись от первого испуга, толпа ещё больше стала любить и почитать Нерона за его энергию и мрачное величие, она забывала растущую нужду, ослеплённая величиим своего императора.

Логика, которой руководствуются зачинщики подобных пропагандистских акций, состояла в парадоксе: *«именно потому, что это был абсурд, версия имела шансы показаться вероятной»*. А когда подобные трюки срабатывали к удивлению тех, кто был наделён разумом, они вынуждены были признать: *«Чем увереннее делаешь ставку на человеческую глупость, тем больше шансов на успех»* или — *«Чем грубее ложь, тем скорее в неё поверят»*.

В произведениях Фейхтвангера последовательно обрисованы все стадии возникновения и утверждения фашизма в Германии. В числе узловых пунктов, которые приковывали внимание писателя, был момент передачи власти. В рассказе-иносказании «Верный Петер» моделируется политическая ситуация начала 1930-х годов, когда Гинденбург вынужден был уступить притязаниям нацистов. Престарелый президент изображён в образе маршала, который в былые времена сумел внушить окружающим представление о себе, как об *«исторической личности»*.

Наступил день, когда злые силы страны сочли маршала уже недостаточно покладистым и гибким. Они потребовали, чтобы он назначил канцлером человека, который был бы слепым орудием в их руках. <...> Он не хотел назначать своим канцлером субъекта, навязываемого ему низкими силами, но ещё менее он хотел возвращаться в своё поместье. И маршал назначил канцлером этого типа, это ничтожество, и остался главой правительства. Он остался на своём месте, но его совершенно подавил тот субъект, которого ему навязали, это ничтожество. Словно призрак, бродил маршал по дворцу, и весь мир понял, что эта историческая личность — всего лишь мундир, увешанный орденами.

В романе «Братья Лаутензак», где Фейхтвангер широко вводит подлинные исторические лица, уже всё называется своими именами, и раскрывается закулисная политическая игра тех, кто стоял за спиной Гитлера. До поры до времени они стремились придержать его.

Все те, кто во всех отношениях создал ему кредит и доверие: военные, магнаты тяжёлой промышленности, крупные помещики — испуганные успехом нацистов на выборах, всё же решили оттеснить его на задний план; они не хотели допустить, чтобы эти наёмные бандиты стали слишком большой силой, ибо опасались, как бы бандиты не переросли их самих и не захватили бы в свои руки всю власть.

Но уже через какие-то полгода после того, как руками Гинденбурга фюреру была сделана форменная обструкция, в стане сильных мира сего началась мышьяная возня.

А среди противников нацистской партии тем временем начались разногласия. Военные, аграрии, банкиры, заводчики ссорились между собой и интриговали друг против друга. И каждая группа, когда ей наносили чувствительный удар, вспоминала о нацистах, и каждая группа, стремясь окрепнуть и успешнее бороться с другой, подумывала, не нанять ли ей снова бандитов, которым только что демонстративно дали расчёт.

В результате Гитлер получает возделенный пост рейхсканцлера. Его доктрина сразу же возводится в ранг государственной идеологии. В качестве её краеугольного основания возводится теория «высшей расы» и «расы господ». Этим новые установки категорически противостоят аксиомам буржуазной демократии предшествующего времени, выраженным когда-то в лозунгах Французской революции. Устами одного из наци это подаётся в романе «Изгнание» следующим образом.

– Мы не признаём égalité — равенства людей по рождению, мы видим в этом основном принципе основную ошибку. Мы его отвергаем. Мы отвергаем Французскую революцию. Мы стремимся к такому порядку, который признаёт природные различия между людьми со всеми вытекающими отсюда практическими выводами. Мы хотим исправить социальные и политические ошибки, которые совершил XIX век, сбитый с толку тысяча семьсот восемьдесят девятым годом.

Но это скорее риторический фасад, пышная демагогическая завеса над более глубинными побуждениями. И Фейхтвангер вскрывает истинную подоплёку рождения фашизма. В его рычагах нуждалась верхушка имущего класса. По трезвому разумению одного из финансовых воротил (роман «Братья Лаутензак»), который пошёл на сделку с нацистами (в кругу близких он называет их варварами), за их идеологическими вывертами стоит то, что необходимо ему.

Вся эта пресловутая нацистская «политика» не имеет отношения к разуму, это просто романтика гангстерства, ставка на слепую удачу. Сегодня вечером он принимает у себя этих господ — вожаков партии. Впрочем, какие они господа! Это просто кучка авантюристов, голодранцев; ландскнехты, которых нанимают он и другие предприниматели, чтобы выпустить против обнаглевших рабочих.

Но основную социальную почву фашизма писатель видит в вырвавшейся на поверхность жизни варварской стихии, причём эти современные дикари чаще всего предстают в мелкобуржуазной личине. В «Семье Опперман» об этом говорится со всей отчётливостью: «Прирученное домашнее животное — мелкий буржуа — грозит вернуться к своей волчьей природе». И там же один из тех, кто искренне верит в правоверность и необходимость нацизма (а это немецкий литератор, поставивший свой талант на службу новому режиму), с пафосом утверждает:

– Господство трезвого рассудка рушится. Отваливается грубая облицовка логики. Брезжит новая эпоха, когда великое животное, человек, снова найдёт путь к самому себе. Вот смысл националистского движения. Разве все мы не счастливы быть свидетелями этого?

Поставив такой диагноз, Фейхтвангер не жалеет красок и для предводителя новоявленных варваров, уничтожающе характеризуя его как «взбесившееся ничтожество, которое, возмущившись своей

неполноценностью, стремиться всему миру отомстить за свою неполноценность» («Братья Лаутензак»)). Кроме того, писатель неоднократно подчёркивал и существенную роль своекорыстия, обуревавшего людей, дорвавшихся до власти. Любопытным доказательством от противного служит реплика, брошенная в романе «Изгнание» в адрес одной важной нацистской персоны.

Это старый зубр, один из старейших участников «движения». Подозревали даже, что, в отличие от почти всех остальных вожаков, он действительно верит в национал-социалистскую доктрину. Говорили также, будто он, опять-таки не в пример другим видным членам своей партии, пренебрегает возможностями наживы и внешними знаками власти.

В своих романах Фейхтвангер тщательно анализирует методы, с помощью которых нацисты добивались успеха. Опорным пунктом этого успеха можно считать откровенное признание одного из подручных Гитлера: *«Фюрер добился успеха только потому, что действовал нагло и просто» («Братья Лаутензак»)).*

Другая формула успеха состояла в умело организованной пропаганде. Примечательный штрих на этот счёт содержится в начале романа «Семья Опперман». В тот момент, когда нацистское нашествие ещё не представлялось столь уж опасным и неотвратимым, в интеллигентском окружении семейства Опперман идёт разговор об этой угрозе, и Гинце, служащий процветающей фирмы Опперман, к радости присутствующих доказывает, что сторонники нацистского движения либо дураки, либо жулики. Но один более дальновидный из представителей семейства Опперман высказывается иначе.

– Вы несправедливы к этим людям, дорогой господин Гинце. Сила этой клики как раз в том, что она пренебрегает разумом и обращается к инстинкту. Нужна сметливость и сила воли, чтобы проводить подобную линию с такой последовательностью. Господа эти, как все хорошие дельцы, отлично знают свою клиентуру. Товар у них плохой, но ходкий. А пропаганда — первый класс, скажу я вам. Вы недооцениваете фюрера, господин Гинце. Фирма Опперман могла бы радоваться, заполучи она такого заведующего для отдела рекламы.

Специфические особенности механизма нацистской пропаганды подробнейшим образом рассмотрены в романе «Братья Лаутензак». Гансйорг, уже делающий заметную карьеру в нацистском движении, говорит брату:

– Видишь ли, милый Оскар, толпе ничего не втолкуешь без некоторой театральности, без рекламы, без обмана. Думаешь, Господь наш Иисус Христос чего-нибудь достиг бы, не пошли он своих апостолов создавать рекламу его чудесам? И фюрер не пробился бы без некоторых вспомогательных приёмов, без пышных слов, без того, что ты сейчас назвал обманом. Прочти внимательно, что он говорит в своей книге о необходимости пропаганды, лжи, обмана.

И ещё одно его откровение:

«Мы, нацисты, добиваемся успеха потому, что обещаем людям чудо».

Основная сюжетная линия этого романа связана с повествованием о восхождении телепата, мага и ясновидца Оскара Лаутензака. И то, чем он воздействовал на публику было, по Фейхтвангеру, чрезвычайно созвучно тому, что делал покровительствующий ему Гитлер. Оба они апеллировали не столько к сознанию, сколько к подсознанию, адресуясь преимущественно к эмоциям и инстинктам. Вот какие умозаключения приходят Оскару в голову, когда он с восторгом следит за одним из публичных выступлений Гитлера.

Как и фюреру, ему было трудно говорить на литературном немецком языке и избегать нарушений основных правил грамматики, ибо, подобно фюреру, и он убежал из школы, больше полагаясь на свою интуицию, чем на знания. Сейчас Оскар с радостью убеждался, что поступил тогда правильно. Дело не в том, построены ли фразы по законам грамматики или нет, и не в том, имеет ли смысл то, что говоришь; покорять нужно сердца людей, а не их убогий разум. Решает не содержание произносимой фразы, а как её произносишь, поза оратора, подъём, трепет и громовой раскат его голоса.

Для тех, кто оказался вне Германии, были особенно очевидны циклопические масштабы запущенной в ход пропагандистской машины и вся невыносимость потока лжи и хулы, изливавшейся денно и нощно. Когда один из эмигрантов поневоле вынужден слушать по радио «болтовню какого-то фашистского бонзы», он раздражён до предела.

То, что кричал в эфир этот голос, столь очевидно противоречило действительности, что Траутвейн не мог понять, как человеческий язык способен произносить во всеулышание такую насквозь лживую бессмыслицу? Голос расписывал жителям Германии, у которых с каждым днём становилось всё меньше хлеба, насколько им живётся лучше, чем жителям других стран; он говорил людям, которые со страхом озирались по сторонам, прежде чем прошептать слово безобиднейшей критики, что только они пользуются подлинной свободой. Голос нагло искажал всё, что делалось вокруг, представляя всё навыворот, «во благо национал-социализма и народа».

Раскрывая тотальную обработку общественного мнения, Фейхтвангер в том же романе «Изгнание» подмечает и особую специфику словесного изъяснения, выработанную в гитлеровской Германии (кстати, специфика эта была почти столь же характерна и для СССР тех лет). Траутвейн, главный герой повествования, болезненно ощущая «позор своей родины», с ненавистью вслушивается в очередную передачу немецкого радио, по которому вещает министр пропаганды.

На каком солдатском языке говорят теперь в Третьей империи. Даже и тон у них казарменный; насильники и фанфароны, они переносят слова из военной области в те области, с которыми не имеют ничего общего. «Трудовой фронт», «бои за производство». Разве фабрики — это поля сражений? Разве труд — военная деятельность? Скоро о германском министре, сходявшем в уборную, газеты будут сообщать, что он выдержал «опорожнительную битву».

И, подобно тому, что происходило в СССР, та же пропаганда умело камуфлировала ужасы «коричневого террора». Об этом в том же романе писатель говорит устами антифашиста Пауля Крамера, который рассказывает сестре «о многочисленных арестах, об исчезновении многих и многих, о том, что законность уничтожена, право попрано».

Кэтэ слушала молча, взволнованная. Всё это ей было неизвестно. Немногие в Германии знали тогда о таких событиях, хотя они подчас происходили тут же, рядом, в соседней квартире. Только пострадавшие знали о них, а миллионы немцев ничего не подозревали и не хотели верить, когда им говорили об этом.

Пафос художественного наследия Л. Фейхтвангера знаменательно обозначен в названии посвящённой писателю книги Т. Николаевой — *«Разум против варварства»* (Саратов, 1972). И в то же время приходится признать, что наследие это сложилось как реакция на совершенно конкретный исторический феномен — феномен грандиозный и титанический при всех его невероятных издержках и негативных последствиях. При всей антигуманной подоплёке происходившего тогда с Германией именно во времена Третьей империи она прошла «звёздный час» своего исторического бытия. И именно нацистское движение во главе с Адольфом Гитлером сумело организовать государственную машину таким образом, что эта страна смогла определённое время диктовать миру свою политику и поставить на колени бóльшую часть Европы.

В чисто художественном плане тоталитаризм явился мощным фактором как общечеловеческой философской проблематики, так и в качестве огромного «резервуара» всевозможных идей и образов. Это мог признать и сам писатель. В романе *«Изгнание»* находим любопытный эпизод. Один из нацистов, работающий в немецком посольстве во Франции и по долгу службы читающий эмигрантскую литературу, не без самодовольства размышляет: *«В сущности писатели-эмигранты должны быть нам благодарны за великолепные сюжеты, которые мы им поставляем».*